

ВОРОНЫ РАССЕЯНИЯ

*Посвящается Моше Кульбаку,
беларусско-еврейскому поэту, романисту и драматургу,
расстрелянному в 1937 году в Куропатах*

Действующие лица:

Моше - синий еврей
Зелик - зелёный еврей
Харик - красный еврей
Какой-то писатель - может быть я, может быть ты
Узник земли - может быть, Какой-то писатель
Ворон
Голубь
Дрозд
Сойка
Канарейка
Исполнители (3 чел.)

АКТ 1

1. Праапистис

Круглое помещение с черным и белым столпами при входе, а также по остальным сторонам света. Левый столп вырезан из чёрного оникса, правый – из белого мрамора. Пол выложен в шахматном порядке квадратными плитами из чёрного оникса и белого мрамора. В центре помещения, на стыке четырёх квадратов стоит белый мраморный куб, на нём сидит чёрная птица.

Ворон. Попробуй подойди, только лучше не двигайся.

Узник земли. Не могу наступить! Плиты отторгают мои ступни, и чёрные и белые, и чёрные и белые столбы теснят мою фигуру, я сейчас вылечу отсюда как пробка!

Ворон. Ты так привязан к земле, что ничего тебя не держит.

Узник земли. Конечно привязан, слушай, мне хочется быть живым. Я ещё живой? *(падает на белую плитку)* Пусть я живой! *(начинает задыхаться от смеха без звука и плача без слёз)*

Ворон. Ты будешь здесь, пока не избавишься от этой привычки. Когда привыкнешь – тогда уйдёшь.

Узник земли. А если не уходить? Тут дают бессмертие?.. *(его швыряет на чёрный квадрат)*

Ворон. Тебе очень повезло, между прочим. У тебя есть время. Тебе не повезло, что у тебя времени нет.

Узник земли. Так что я должен делать?

Ворон. Зачем?

Узник земли. *(задумался)* Не знаю... *(лёжа поскользнувшись, снова подскакивает в неуклюжую невесомость - плиты отталкивают его)* Аи!

Ворон. Предлагаю тебе ленивый отдых на спине. Изнуряй себя, выражая всем телом зевок.

Узник земли. Нужно всё припомнить...

Ворон. Немая литера, подобная воде, шипящая литера, подобная огню. Закрой глаза, смотри своё отражение.

Узник земли. Оно меня не узнаёт!

Ворон. Что ж, и пусть уносится как мёртвый лист.

Узник земли. Но я есть!

Ворон. Единственно верное утверждение, которое можно сделать о самом себе. Неподвижность - начало всех вращений. Удобно?

Узник земли. Нет! *(повращавшись, шлёпается на белый)* Зачем я вижу тебя и слышу? Ты должен быть скрыт на своей ночной стороне! Я хочу назад, хочу назад... *(удивляется внезапной мысли)* Но я там недоволен! *(шлёпается на чёрный)* Постой, если я вижу тебя и слышу – значит это я на ночной стороне? Так просто? Стоит раз испытать недовольство...

Ворон. *(поправляет)* Несогласие.

Узник земли. Пстой, пстой... Что же меня так возмутило...

Ворон. Не надо сейчас погружаться в воспоминание – иначе тут же вернёшься переживать своё время. Ты же не хочешь, правда?

Узник земли. Не хочу. Но я не помню почему.

Ворон. Это хорошо, отдыхай. Главное, помни, что был несогласен.

Узник земли. Я сделал что-то противное, что попал сюда?

Ворон. Не волнуйся, на ночную сторону не так просто попасть. Это акт воли посвящённого. А здесь всего-навсего... Праапистис. Чёрный оникс, белый мрамор. Столп строгости, столп милосердия. И ты – послушный самому себе.

2. Шахматы

Полумрак. Скромный свет керосиновой лампы.

С пола потягивается мягкая тень. Растёт, перекачивается тёплой волной. Человек у стола подкручивает фитилёк, пятно света становится ярче. Из тени вырастают руки. Пальцы складываются в фигуры, проецирующие тени различных птиц. (ворона, лебедь, попугай и др.) Расправляются в летящего голубя. Крылатая тень приближается, расползается по стене жидким пятном.

Резко включается электричество.

При полном свете видно, что повсюду в комнате стоят клетки, накрытые обрезками ткани, пол обильно устилают многоцветные перья, в воздухе кружится птичий пух. Оглядевшись, человек находит свою тень плоско натянутой на стену и лишённой волшебства. Нарастает гомон встревоженных птиц.

Спохватившись, выключает электричество. Подождав секунду темноты, пока птицы затихнут, зажигает опять скромную керосинку. На столе сидит Голубь.

Голубь. Ты чего тут?

Моше. Извини, забылся. Похоже, всех разбудил.

Голубь. А что ты делаешь?

Моше. Никогда не задумывался, как человеческая тень переживает приход новой жизни.

Голубь. Что ей? Это же просто тёмное пятно.

Моше. А вот и что. Она живёт от света. А свет поменялся. И тень поменялась. У нас теперь даже тени другие.

Голубь. Ну тогда это приятно.

Моше. Представь, старый дядька - портной в каком-нибудь еврейском местечке. Полвека стучал на машинке под таким вот фитилём, а тень его напознала на

печь. И вдруг печь стоит как новая, как побелили – нету тени! А где? Беспокойство человеку. В таком месте, где он её видел целую жизнь – и вдруг её нет! Как будто вообще забрали – страшно! Подумает – на что мне эта электрофикация, прогресс, когда собственной тенью за неё надо платить.

Голубь. Вот так затемнённое мелкобуржуазное сознание, непросвещённость и лубочный традиционализм сопротивляются свету реформ социалистического возрождения!

Моше. Поиграй со мной в шахматы. (*раскладывает доску, расставляет фигуры*)

Голубь. Я же их путаю.

Моше. Я знаю, что ты путаешь, но мне хочется сейчас в шахматы поиграть. Вот твои, белые.

Голубь. Ты как будто тебя всё время тянет назад.

Моше. Я ещё не начал.

Голубь. Нет, я про тень. Ты не спишь из-за неё - и у тебя не начинается новый день.

Моше. К счастью, ещё не придумали такой свет, чтобы лишить человека тени вообще.

Голубь. Подумаешь. Я же как-то обхожусь без неё.

Моше. Ты и без звёзд обходишься, и без луны. У тебя день короткий! Вот, теперь я походил.

Голубь. Я тоже так похожу. Буду за тобой повторять.

Моше. (*следующая фигура*) Ты не сможешь всё время за мной повторять. Однажды тебе придётся от меня защищаться.

Голубь. Тебе тоже придётся защищаться.

Моше. Ты потеряешь фигуру.

Голубь. Ты тоже потеряешь фигуру!

Моше. (*смеётся*) Это будет скучная игра!

Голубь. Почему ты всё время так странно смеёшься?

Моше. Так смеялись все мужчины в нашем дворе. Смех правда особенный. Смотри, надо вздохнуть вот так, ни с того ни с сего, и на выдохе выпустить между губ весёлое и нежное ржание... Брррргыгыгы! Такое можно услышать возле стойла, где кони стоят и жуют овёс...

Голубь. Возмутительно! Учить детей смеяться лошадиным смехом!

Подозреваю, это ещё самое безобидное из мракобесий еврейского двора!

Моше. (*смеётся*) Нет, никто никого не учил. Этот смех передаётся по наследству. И ещё запах. У нас все мужчины мягко пахли прелым сеном...

Голубь. Хорошо наследство, нечего сказать...

Моше. Ну, это ещё не всё наследство... Ещё место в синагоге, сто рублей под шестым кирпичом печки, швейная машинка, лупа часовщика, серебряная ложка, сковороды и горшки, тупые ножи, тупые гвозди, самодельное радио и ещё слепая бабушка.

Голубь. Это называется: обременительный груз прошлого в помеху будущей жизни.

Моше. Бабушка не обременительна, она больше похожа на курицу, чем на человека, и не знает, что мир стал какой-то другой.

Голубь. Даже не знает о создании еврейской автономной области?! О том, что СССР стал пионером в успешном решении многовекового еврейского вопроса?!

Моше. Извини, эта фигура тебе, конечно, очень нравится? Ты который ход подряд двигаешь её то немножко вперёд, то немножко назад... В самом деле есть много других фигур, и все они интересные!

Голубь. Вот ты - народный интеллигент, интеллектуальное, значит, подспорье в строительстве нового общества!

Моше. Значит, значит...

Голубь. Так откуда эта мелкобуржуазная романтика? Тени, керосинка?.. Лупа часовщика?

Моше. Ты опять перепутал. Ты ходишь на себя. Это твоя фигура, зачем ты её бьёшь?

Голубь. Потому что она маленькая. А эта большая.

Моше. Это неважно, они же одного цвета.

Голубь. На тебе такая ответственность - просвещение трудящихся, развитие пролетарской культуры! А ты вместо этого производишь сейчас какие-то застойные настроения - не отвечающие интересам еврейского рабочего класса!

Моше. Белые все твои. Все ходят по-разному и все нужны. Маленькие тоже нужны. Ничего застойного. За последние месяцы я видел, как на небе переставилось много звёзд...

Голубь. Перспектива советского благоденствия против скудного существования местечек! *(сбивает фигуру)*

Моше. Я и не спорю. Я, как раз, с большой радостью поддержал необходимость вписаться в новую жизнь, стать настоящим советским человеком...

Голубь. Ты жульничаешь.

Моше. Ничего не жульничаю, это конь, он так ходит. Только не думай, что раз он не ходит по прямой, то может стать на любую клетку вообще.

Голубь. Ну что ты будешь делать с этой кустарной психологией! Советская страна дала вам всё - и Биробиджан!

Моше. Конечно. И мы стойко продолжаем отзываться на то, что партия считает важным.

Голубь. Тебе шах.

Моше. Это не король, это слон. И смотри, ты открыл мне свою ладью.

Голубь. Можно мне переходить?

Моше. Нет уж, играем как играем. Сибирский Израиль, конечно, воодушевляющая попытка облегчить евреев от идеи Исхода, но таким образом, похоже, решили облегчиться от евреев вообще...

Голубь. Мне скучно, дай мне поесть и я посплю.

Моше. Не будем доигрывать?

Голубь. Не будем.

3. Память

Узник земли. Разве я здесь по своей воле? Не по твоей?

Ворон. Ты меня демонизируешь. Зачем ты мне нужен.

Узник земли. Но сам бы я никогда не вообразил явиться сюда. Я мог представить себя только живым или мёртвым.

Ворон. Не хотел говорить, в общем... Тебе осталось пожить всего несколько минут. И на эти несколько минут ты задумался, что тебя обманули. Так и попал сюда. Этот храм – ступень, которая возвышается над головой каждого.

Узник земли. А ты здесь со мной почему?

Ворон. Потому что я с самого начала об этом задумался. Когда поднялась вода, уничтожила всё и всех на земле, а я почему-то остался... В первый раз задумался о себе и сразу - о том что обманут.

Узник земли. Остался - для новой жизни! Ты должен был испытать счастье!

Ворон. Должен, должен... А испытал горечь. Но я говорю: горькое не может расстроить, когда веришь в сладкое.

Узник земли. Что тебе сладко? Пировать на гниющих трупах?!

Ворон. Позволь. Не я их складывал. Как же я устал оправдывать эти капризы! Построю город – раскидаю на камешки, слеплю человек – размочу их в месиво... Ну куда это годится?

Узник земли. Ты был отобран продолжать свой вид – это почётно!

Ворон. Очередной каприз. Чем я лучше того, кого ел? Той кашицы отборных мозгов и сердец, которая обнажилась после потопа? Я ел и плакал о них.

Узник земли. Это было поколение, извратившее идею творения, не должен спасённый плакать о нём!

Ворон. Вот я и плакал от брезгливости быть чьей-то идеей.

Узник земли. Остался сострадать мертвечине и не подумал о нас! А ведь мы были жизнь, мы были с тобой одно!

Ворон. Заодно – ты хотел сказать? Да, нам было по пути. Нам и сейчас по пути, как видишь.

Узник земли. Посланец мира, прельстившийся падалью, называется вестником смерти!

Ворон. Я не принёс никакой вести, в чём моё предательство?

Узник земли. Ты должен был вернуться на ковчег и рассказать о том, что видел, о том, что земля ещё не готова принять нас.

Ворон. А интересно, что я мог принести в доклад о состоянии суши – кусок разложившейся плоти? Чей-то глаз? Или хрящ?.. *(смеётся долго)* Да, тогда бы я заслуженно назывался вестником смерти!

Узник земли. Тебя ждали!

Ворон. Вы не знали, что ждёте вестника смерти, а я не знал, чем встретит меня земля. Что это будут разбухшие от воды останки моего поколения. История имеет прошлое время, равно как и будущее, верно? Прошое было уничтожено, но следы уничтожения никуда не делись за сорок дней. Вид открывался ужасающий. Сплошь густая похлёбка... Вот это действительно выглядело как извращённая идея творения! Да только кто её извратил?.. Ни один из тех несчастных, даже двадцать, даже тысяча живых существ не способны так

изобретательно и масштабно обезобразить землю! Так кто же, кто?!.. Смолчим?.. Мы нежные. Мы пасёмся в море мирно и глупо и ждём прекрасный новый мир... Я был один там. Совсем один. Один в этом музее извращения, свидетель мазни блажного маляра. Один! Я один видел это болезненное, зловонное лоно, из которого миру вашему, нашему – прекрасному, новому - происходит. Я один из всех получил память. Как мне было жить дальше с памятью – и с вами? Я даже не мог выбирать – новая жизнь или память, потому что память никуда не денешь. Поэтому единственное, что я мог сделать – я делал для вас. Кто-то должен был опечатать прошлое, и протянуть время... Пока меня ждали... Я с аппетитом работал над уничтожением следов.

4. Райсн

Утро. Моше подходит к клеткам, проведать птичек и насыпать зерна.

Моше. *(Канарейке)* Тебе нездоровится? Почти ничего не ешь. И не поёшь давно.

Канарейка. Мне тревожно.

Моше. Что тебя тревожит, любимая?

Канарейка. Не могу и не скажу.

Моше. Тогда как же я узнаю, чем тебе помочь?

Сойка. Ничем ты не поможешь. Нам всем тревожно.

Канарейка. Ну хорошо, я...

Моше. Давай- давай, говори!

Канарейка. Моше... Что так плохо тебе сиделось в Вильне? Где у всех поэтов, даже у Гомера было твоё лицо?

Моше. Ах, ты скучаешь... Я и сам часто скучаю. Наверное, мой голод всему виной. Он вечно гонит меня – иди, иди, не оборачивайся... Голод – мой друг на свете!

Дрозд. Свете-пете-мете. Тощая кляча твой друг.

Канарейка. А твои ученики? Они бежали за поездом, который уносил тебя, безутешные - кричали вслед твоё имя! Где это видано, чтобы дети так любили своего поэта?..

Сойка. Ты разбил детское сердце, негодник?

Канарейка. Он ещё до этого однажды разбил его – когда грыз яблоко. Им пришлось принять, что поэты тоже грызут яблоки! Вот так - открывают рот, впиваются зубами, откусывают и хрустят! И сок течёт по бороде – как у обычных людей... Бедная девочка выбежала на улицу сама не своя!

Дрозд. Следует закрываться, когда собираешься грызть яблоки!

Моше. Я был в учительской один, это был перерыв!

Канарейка. Она потом бежала долго, долго, до самого парка – а там залезла на дерево и в нём плакала долго, долго.

Сойка. Это правда? Так они любили тебя, Моше?

Канарейка. Ещё не так! Даже прощали, что у него есть жена и ребёнок, настоящая жена и настоящий ребёнок!

Дрозд. Но яблоко... это слишком!

Канарейка. Моше, так я и не поняла, что так плохо тебе сиделось в Вильне?..

Моше. Плохо... Да, что-то в этом было плохо. Суровые евреи среди суровых улиц, стены – пергаменты, камни – талмуды... Иди, иди не оборачивайся, пока твой лоб не окоченел и брови не покрылись мхом!

Дрозд. Это твоя тощая кляча нашептала тебе?

Моше. Моя тощая кляча нашептала, что нечего стоять на крыше синагоги и вопрошать будущее. Мы поколение храбрецов и нам нужен простор – нам дали простор! Советская власть, что освободила еврейский мир от национального гнёта. Давай, держай, ты носишь венки из дубовых листьев – идишь, твой живой язык! У тебя есть Райсн – земля с твоим детством, со всей роднёй –

Дрозд. *(перебивает)* Белорусская ССР.

Моше. Райсн -

Дрозд. *(настойчиво перебивает)* Белорусская ССР!

Моше. - Она хочет слушать тебя, говори с ней на идише! *(возбуждённо)* Разве есть на свете торжество большее, чем эта беседа, это... соитие?! Когда земля, твоя по рождению, слушает тебя, говорящего на родном языке? Ты и есть твоё слово - семя, что падает в распаренную твердь, чтоб выспевать из неё – опять и опять! *(распахивает окно, дышит полной грудью, радостно смеётся)* Вот моя Палестина! Здесь!

Дрозд. Совсем свихнулся.

Канарейка. Он же поэт...

Сойка. По утрам он поёт свою обретенную Палестину, а вечерами сгорает в вечном изгнании...

Канарейка. А что, Минск - симпатичный город?

Сойка. Нет, он уже не такой симпатичный...

Дрозд. Такой даже несимпатичный!

Канарейка. А Вильня была очень симпатична...

В распахнутое окно влетает Голубь.

Голубь. Еврейский рабочий, опираясь на победу пролетариата и октябрьской революции, объявляет диктатуру пролетариата в еврейском дворе!

Канарейка. Вот он опять!

Сойка. Может он так шутит?

Канарейка. Грубиян!

Дрозд. Шутка – это хорошая новость о том, что кто-то думает. Эта птица не носит таких новостей.

Моше отходит от окна.

Канарейка. А что, Моше тебе кажется, Минск симпатичный город?

Моше. Город. Слово, сорвавшееся с каменного языка. Слово, закованное в тугую сталь. Просто город, какими бывают города.

Канарейка. А Вильня, между прочим...

Дрозд. (*перебивает*) Нет, когда-то нам завидовали даже одесситы! Удивлялись: такие-то вещи - в такое-то время! Да, здесь можно было побыть провинциальным, слегка старомодным... По пятницам перед заходом солнца ходил по улицам раввин: заканчивайте дела-а, встречайте субботу-у!.. Завтра суббота, кстати.

Голубь. Немедленно прекратить! Проводить эту позорную политику затемнения классового сознания трудящихся еврейских масс!

Канарейка. Моше, почему ты даёшь ему сказать?

Моше. Он мне дорог. Как и вы все.

Дрозд. ...А по праздникам в синагогу ходили даже комсомольцы! Конечно, можно было встречаться с соседями и в клубе, на лекциях и концертах... Но как-то не срослось. Да и как можно не послушаться еврейскую бабушку...

Канарейка. То, что ты рассказываешь – очень симпатично.

Дрозд. Я рассказываю о том, чего уже нет. А что симпатичного сейчас, когда по главному еврейскому кладбищу ходят козы?! А евреев ещё и обязывают платить за содержание городского пастбища!

Сойка. Безбожники! Как далеко они могут зайти, Моше?

Моше. (*вернувшись из своих мыслей*) Кто? Козы? Я и сам часто думаю об этом. Как далеко... Если купить на базаре козу за две монетки, и не привязывать - а просто пойти, пойти за ней...

Дрозд. И будет коза идти шесть дней, и в пятницу скажет тебе, что это хорошо. Или нет, она приведёт тебя на край света, где мирно приляжет рядом с барсом, а лев и вол...

Моше. Да ведь никто не пробовал.

Дрозд. По-моему, все только этим и занимаются.

Сойка. Только непонятно почему непременно на еврейском кладбище!

Дрозд. Да где ж ещё строить самое справедливое в мире государство!

Канарейка. Но это же дискриминация!

Дрозд. Что ты! Всё в интересах горожан!

Голубь (*с набитым ртом*) Еврейские лидеры оппозиции, вызывая протест против оппозиции как таковой, вызывают недовольство евреями как таковыми.

Дрозд. Вот вам пример изобретения новейшего времени. Еврей как рупор антисемитизма.

Голубь. Не надо наговаривать на советскую власть! Она непритворно чтит наш еврейский народ...

Дрозд. Ваш – может, и чтит...

Голубь. ...За то, что он породил гениального творца идеи освобождения человечества! Карла Маркса – вы про кого подумали?

Дрозд. Его и думали. А вообще у нас много...

Голубь. - Но! Конечно, партия обеспокоена наличием у вышеупомянутого нацменьшинства родственных связей практически со всеми частями не-советского мира...

Дрозд. (*смеётся*) Крепка, как смерть любовь - люта, как преисподня, ревность...

Сойка. Смотрите, он покраснел!

Голубь. Это братские чувства! Они определяются тем, что еврейское революционное движение дало и продолжает давать народу крупнейших представителей науки и искусства, талантливых руководителей и организаторов... Но!

Дрозд. Опять –но! Что ты будешь делать...

Голубь. - Конечно партия обеспокоена отсутствием в этих рядах рабочих крупной промышленности.

Дрозд. Что ж такая беспокойная, партия твоя.

Сойка. Ой как некрасиво.

Канарейка. Правда, несимпатично.

Дрозд. Да что симпатичного – красный голубь.

Голубь. (*устраивается на плече Моше*) Вот. Даже живой инвентарь еврейского двора имеет сейчас вредное антипролетарское воспитание. Давно пора было передать его местному комиссариату...

Сойка. За что ты так любишь его?

Моше. За то, что он всегда вернётся ко мне.

Дрозд. Конечно. Чтобы поесть.

Моше. Чтобы поесть из моих рук.

5. Голубь

Узник земли. Обыкновенное малодушие.

Ворон. Что, моя память?!

Узник земли. «Мой», «твой», «его», «её» - этих слов нет в речи об общем благе. У тебя было общественное поручение, и ты его не выполнил.

Ворон. Не вернулся – не значит не выполнил. Все же всё поняли.

Узник земли. Нет, это было ничего! Ты мог просто погибнуть в пути.

Ворон. Пускай. Отсутствие новостей – это тоже новости. В любом случае, на момент моего пребывания на суше – растений там не было, а трапезничать со мной тленом дурного поколения – желающих не нашлось бы. То есть, земля всё ещё была непригодна для жизни... вашей.

Узник земли. Нашей. И ты был частью жизни нашей. А ведь мог изначально быть частью того полезного удобрения, запах которого так вскружил тебе голову.

Ворон. И тоже принёс бы пользу будущей жизни!

Узник земли. Тоже? И в чём же польза от твоего малодушия?

Ворон. Это так простосердечно - занять позицию обвинителя, чтобы скрыться от собственных сомнений. А ведь ты явился сюда. Значит, кое-кто недосердствовал в собственной несомненности... Случайно ли?

Узник земли. Это ты недосердствовал в общественном поручении.

Ворон. Своё усердие я знаю. Всё это скучно чрезвычайно и предсказуемо.

Узник земли. А в мерзостях?! Нескучно?!

Ворон. Весьма... И непредсказуемо...

Узник земли. Ты злоупотребил поручением. А ведь ты был достоин его.

Ворон. Моё достоинство – в свободной воле пренебречь своим достоинством.

Узник земли. Цель поручения не показалась тебе значимой?

Ворон. Значение это увеличилось с моим пренебрежением.

Узник земли. Не слишком ли много ты себе приписываешь?

Ворон. (*горько смеётся*) Я? Посмотри – я, иссякший и высохший во всём! Я принял на себя весь спуд, всю чудовищность органики чуда – чтоб сдвинуть вперёд историю чудес. Я посвятил себя тлену, чтобы никто из праведных зачинателей вида не знал об издержках грядущего возрождения, и цель по-прежнему оставалась выше средств. Ты считаешь, я малодушно вышел из игры – а ведь я поддался, чтобы в игре всё-таки был победитель. Чтобы были чёрные клетки и белые. Потому что на самом деле их нет. Некуда ходить! И когда тебе открывается вся беспомощность замысла – ты вынужден стать его соавтором. Для общего блага, для того чтобы несчастный корабль достиг суши. Я вынужден был отметить собой чёрную клетку, чтобы Голубь, выпущенный через семь дней, отметил собой белую. Я дал ход Голубю, дал ему великолепие. Я поднял его, вознёс, я возвысил его чрезвычайно и дал верный путь преуспеть. И отныне великолепие Голубя принадлежит вам. Теперь каждый из вас может исполнить в себе тайну Голубя. Вестника нового мира. Просто, не задумываясь, выполняя общественные поручения. Вам больше нет нужды спрашивать себя, и беречь, и услаждать себя. Любить и помнить, в конце концов, нет нужды! Поиск и смятение – я всё прошёл за вас. Вот в чём на самом деле заключалось моё поручение. И его - я выполнил.

Узник земли. Значит всё это... обман?

Ворон. Обман в другом. То, что он принёс с земли... Плоды оливы, горькие.

6. В редакции

Редакция журнала «Штерн». Шелест разлетающихся бумаг, ритм печатной машинки, дымок над столами.

Зелик. Что, Изи, из тебя сегодня свет струится?

Харик. Готовлю для номера чудесную подборку! Столько молодой поросли пробилось! Не устаю открывать новые имена! Невероятно талантливы! Живут на языке народного сердца, безо всяких талмудических окаменелостей.

Читаешь - и радуешься про себя: не зря, всё не зря...

Зелик. За что я тебя действительно люблю, Изи, - за твою заботу об этих птахах - ведь именно ты даёшь им крылья!

Харик. Время даёт им крылья! Мы, конечно, готовили время - клали кирпичи, самих себя кирпичами закладывали, все в мечтах об этих крыльях... И вот - они приходят, молодые, и они уже крылаты!

Зелик. Пусть крылаты, но всё равно, это просто очередное поколение еврейской бедноты из местечек! В тех условиях крылья быстро слабеют. А твои рекомендации очень помогают им сделаться нужными общественной жизни, перебраться в город...

Харик. Я ничего особенного не делаю. Выполняю свою работу! Вот кто действительно делает, так это...

Моше. Изи, не начинай.

Харик. Не начинай?! А кто - всё это сделал для нас? Для нас, веками прозябающих за чертой оседлости – в мелкобуржуазной суете, в предвечной тени прогресса и унынии вынужденного мессианства?

Моше. Ну-ну, мессианство ещё переобуй.

Харик. Кто?! Суровый и величественный гений - товарищ Сталин!

Моше. Я надеялся на Маркса, хотя бы.

Харик. А на что бы ты надеялся, если бы сейчас пришёл ко мне - не главному редактору журнала «Штерн», а ко мне - сыну сына сапожника из местечка Зембино? Пришёл бы не по вопросам издания новой книги на идише или степендий для молодых еврейских талантов - а пришёл, чтоб я склепал тебе новые сапоги! И я скажу, какая была бы тогда твоя надежда: чтоб я поменьше взял! И мы бы долго курили с тобой самосад и соображали, как тут можно подешевле... И не было бы никакой редакции, и никакой секции еврейских писателей! А ты? Хочешь, расскажу, как ты сам бы выглядел сейчас, Моше, - если бы не было советской власти? Гонял бы плоты, как твой дед из Кобыльников, брёвна таскал с утра до вечера. Обычный еврей с топором и лошадкой – ни о каком творчестве бы не помышлял!

Зелик. А я, наверняка, развозил бы пиво по местечку, как тогда мы с отцом... Весьма приятное занятие, кстати - целый день на свежем воздухе, и все тебе рады...

Харик. Не хорошо - не плохо, не шатко - не валко! Лачужки, выросшие в землю, и их хозяева, выросшие в зелень бород, никчемные молитвы, субботний храп... Ага, помните? Проклятая суббота! Эти скучные вечера в глухой дыре – на улице ни души не найдёшь! А дома - всё время кажется, пугало смерти в поганом тряпье на чердаке висит... Мне уже тогда, в детстве, хотелось, чтоб всё горело - огонь и дым всему, дым и огонь! Бух, бах, ещё удар - куйся новая жизнь! И в этой жизни, я знал, не случится больше такого - когда под дождём на поле мокнет сено, пропадает сено у людей, а они, в белых талесах, смотрят в бездействии и качают головами - у нас же суббота! Никакой субботы. И никакого воскресенья тоже.

Моше. Изи, и как же ты с этой мечтой о непрерывке - входил в партию сионистов? Я верно помню?

Харик. Как входил – так и выходил. Человек тоже когда-то был прямоходячим. Необходимая ступень эволюции.

Моше. Так мы ведь так прямо и ходим...

Зелик. Друзья, сейчас лучше быть сдержаннее. Чтоб не упустить момент, когда вставать на карачки...

Моше. Согласен, главное, что мы дома и всё ещё полны сил.

Дружно, не сговариваясь, принимаются за работу. На некоторое время воцаряется молчание, только шелест бумаг и стук печатной машинки.

Харик. Хорошо, что вспомнил! Всё бросайте, у нас серьёзный общественный заказ!

Зелик. Статья какая-то?

Харик. Да! Она должна выйти уже этим номером!

Моше. Очередной сокрушительный удар по контрреволюционным нацдемам?

Харик. Внеочередной! Дунца арестовали.

Зелик. Да чем же он им припекал? Работал себе тихо человек культработником на заводе. Его же и так уже из партии исключили, из союза, сняли со всех должностей...

Харик. Ну вот! Видимо, всё не унимался!

Моше. В чём не унимался? В своей тихой посредственной писанине?

Харик. Не нашего ума дело.

Моше. Как не нашего, если нам про него статью писать. Лично мне, честно говоря, сказать о нём нечего.

Харик. А ты просто представь, какого рода “статьи” сейчас ему придётся писать в застенках! При том, что он наш бывший коллега. Хорошо представил? Ну, жди, сейчас вдохновение придёт.

Зелик. Признаться, Изи, меня пугает, с каким рвением ты в последнее время берёшься за выполнение подобных заказов...

Харик. *(кричит)* Сказать нет?! *(Пауза)* В том и срочность, чтобы мне успеть отклепаться от него! *(поправляет костюм, возвращается в равновесие)* Я вообще-то горжусь, когда мне доверяют общественные поручения! И это меня радует не меньше, чем творческий успех!

Моше. Изи, мы заметили этот надлом.

Харик. Моше, чем язвить, лучше помогай писать про Дунца. Это общее дело, в конце концов! Пусть неприятное, да, но действовать нужно быстро, и ты понимаешь... И хуже, чем есть, ему уже не сделаешь. А нам ещё можно сделать хорошо.

Моше. Хорошо, Изи. Я напишу о недостатке бдительности.

Харик. Да, Моше. Пиши о недостатке бдительности.

Принимаются за работу. Пауза.

Харик. Чуть не забыл. В новый выпуск войдут отрывки из поэтических сборников «Горячим шагом», «Прямыми дорогами» и «За новый фундамент». А также чудесная поэма о еврейских земледельцах «Не унывать».

Шелест разлетающихся бумаг, ритм печатной машинки, дымок над столами.

7. Отпустили полетать.

Моше нет в комнате. В воздухе, взбитом крыльями, кружится пыль и перья. Голубь гордо прохаживается перед клетками, заглядывая в каждую.

Голубь. Ну что! Бундовцы, сионисты, контрреволюционеры. Таки продолжаем высказывать недовольство Коммунистической партией в узких кругах?

Дрозд. Начинается.

Голубь. Не начинается, а продолжается! Потому интересуюсь. Успешно ли идут обсуждения подрыва государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения, как продвинулись в подготовке террористических актов...

Сойка. Где ты набираешься этакой дряни за целый день?

Голубь. Где. Известно! В верхах!

Дрозд. Отпустили полетать.

Голубь. А вы ненадёжные, вас отпусти – так вы на ту сторону шмыг, сразу задания пойдут шпионского характера, потом диверсии...

Сойка. (устало) Ой не говори.

Голубь. (набрасывается на Сойкину клетку) Я здесь говорю кому не говорить! И кому говорить – тоже буду говорить я!

Сойка. Дурачок что ли вообще?!

Голубь. Значит, вы намерены и дальше скрывать от советских карательных органов сведения о вашей контрреволюционной организации и её участниках?!

Дрозд. Намерены! Вытрепать из тебя дурь при случае!

Голубь. А это уже интересно!

Дрозд. Ну, может, не сами...

Голубь. А насчёт руководителей партии и советской власти – такое самое намерение у вас имеется?

Дрозд. Заявляю со всей откровенностью! Окончательно решил полностью сознаться!

Голубь. Ну-ка, вот и заявления пошли!

Дрозд. Каждый вечер...

Голубь. Та-ак?

Дрозд. Смежая сном глаза...

Голубь. Так-так?

Дрозд. Молю Всевышнего вселить в тебя новую душу.

Пауза.

Голубь. *(теряется)* Это ещё зачем?

Дрозд. Затем, чтобы ты старую отдал кошке.

Начинает весело смеяться Канарейка.

Голубь. Что, весело у нас в Белорусской ССР? В Польше не так весело? Значит, не зря разведорганы путёвку выписывали! А то всё – Вильня, Вильня!

Дрозд. Слушай. Вот ты же молодой. Приметил бы себе какую горлицу, да и летал бы к ней, а не вредил своё мироощущение...

Голубь. С тобой, в общем, всё понятно. Всех ваших давно распустили, ты один справа на жёрдочке сидеть остался.

Дрозд. Жаль тебя, бестолковая птица. А ведь как начнёт ворковать – так и на слёзы пробивает...

Голубь. Да ну тебя. *(вылетает в окно)*

Дрозд. *(сентиментально)* Как песня дождя - что-то сладостно-грустное о прошлом, и пробуждающее надежду на будущее... Когда кажется, что завеса между прошлым и будущим утончилась, и можно начинать всё заново, и созидание нового доступно – мне, и всякому, и каждому... Кстати, отличный голубь, генеральской породы - одесский турман!

Сойка. Вертится?

Дрозд. Да, из вертунов. На высоте мечется от горизонта к горизонту, танцует...

Канарейка. Мало, что из наших, так ещё и породистый?

Дрозд. Говорю же - отличный! Это не мой восторг, это при общей оценке качества особи... *(за окном раздаются странные звуки - возня, шелест крыльев)* Голуби могут быть: отличные, очень хорошие, хорошие, удовлетворительные и плохие. Отличный голубь в полной мере соответствует требованиям стандарта и другим качествам, присущим данной породе. *(сердитое ворчание какого-то зверя, писк, борьба)* Очень хороший голубь соответствует описанию стандарта, но может иметь незначительные недостатки по одному-двум признакам. *(низкий стон, отчаянный плеск крыльев)* Хороший голубь имеет незначительные отклонения от стандарта по двум-трём признакам, которые не портят внешнего вида. *(истощенный хрип, азартное фырканье)* Удовлетворительный голубь имеет один-два значительных отклонения и ряд мелких недостатков. *(зловещая тишина)* Плохой голубь имеет грубые отклонения от стандарта и плохие основные показатели для данной породы *(чавканье, хруст и удовлетворённое урчание какого-то зверя).*

2 АКТ

8. Медитация

Узник земли Что же не гаснет земля ни днём ни ночью – дым и вонь с неё поднимается?

Ворон. Дыши, дыши, утешайся. Вдыхай через сострадающее сердце и выдыхай касаясь пустоты внутри...

Узник земли. Неужто горящие черви, что расстилаются подо мной – это и есть покровы небес?

Ворон. Дыши, дыши, не присутствуй. Вдыхай предвечный смрад, что подступает к горлу, и выдыхай развеиваясь до истощения.

Узник земли. Вот здесь, я нашёл! Угрожающая трещина!

Ворон. Дыши, дыши глубоко, вдыхай через черепной шов и выдыхай чувствуя ужасный голод...

Узник земли. (*мучаясь*) Есть...

Ворон. А теперь в перевёрнутой позе рождения.

Узник земли (*радостно*) Ем!

Ворон. Слушай рык зверя в пустыне, дочеловеческое не-слово!

Узник земли. Иеаиеууиизз...

Ворон. Слушай скотский вой, чудовищные речи по ту сторону пустоты!

Узник земли. Аргррргрррыыыывмм...

Ворон. Слушай из разверстой утробы - шорох, доходящий до свиста!

Узник земли. Ааампррродиииассссс....

Ворон. Возвеща-ай!

Узник земли. Что мне возвещать? Засыхает трава, увядает цвет, цвет увядает, трава засыхает... Кто совершил это? Разве не слышали? Разве не знаете?

Ворон. Возвеща-ай!

Узник земли. Что мне возвещать? Мясо раскидано по горам и долины взгноены трупами, трупами взгноены долины и мясо раскидано по горам... Кто совершил это? Разве не слышали? Разве не знаете?

Ворон. Возвеща-ай!

Узник земли. Что мне возвещать? Созваны на праздник ужасы мои и рытвины наполнены мною, наполнены мною рытвины и ужасы мои созваны на праздник! Кто совершил это? Разве не слышали? Разве не знаете?

Ворон. Возвеща-ай!

Узник земли. Что мне возвещать? Режут по правую сторону - остаются голодными, голодные - по левую сторону остаются резать! Кто совершил это? Разве не слышали? Разве не знаете?

Ворон. Возвеща-ай!

Узник земли. Как море шумит - рёв многих, и многих шум - как режут сильные воды... Кто совершил это? Разве не слышали? Разве не знаете?

Ворон. Возвеща-ай!

Узник земли. Сторожат птицеловы ловушки и пасть разинута без меры, без меры разинуты ловушки и птицеловы пасть сторожат... Кто совершил это? Разве не слышали? Разве не знаете?

Ворон. Возвеща-ай!

Узник земли. Что мне возвещать? Бежавший из сети падает в яму, из ямы бежавший падает в сети! Кто совершил это? Разве не слышали? Разве не знаете?

Ворон. Возвеща-ай!

Узник земли. Что мне возвещать? Вот земля, поедающая людей, и хребет мой - улица для проходящих, вот хребет мой - у лица людей, поедающих землю... Кто совершил это? Разве не слышали? Разве не знаете?

Ворон. Возвеща-ай!

Узник земли. Что мне возвещать? Он не утомляется, он не изнемогает! Великий Безумец в окружении слабоумных флейтистов, он находится у края ямы, худший из всех Дурак! Он ползает голый, бедняга, по самому краю, а из ямы летят во все стороны глупые пузыри. У края, у самого края - вот-вот упадёт! Но не падает... Глупец! Глупец! Двигайся прочь от грани утёса! Но нет, не услышит остережения - кто вне простого безумия - тот не носит головы вообще... А там, темнозвёздно за краем, пахтается первичная слизь, атомный хаос, сбивается в пену... Какие красивые пузыри, переливаются перламутром! О Дурак, ты обитаешь в блаженстве! Даже этой причудливой красоты ты не видишь! Совершенная свобода тебе! Дуйте в дудки, терзайте свирели, безликие! Скорбные разумом демоны, развлекайте ползучего! Раз уж он не имеет вообще никакой головы... Не помочь ему добрым советом! *(Пауза)* Что же он делает?..

Ворон. А ты попробуй, спроси.

Узник земли. У кого? У него?!

Ворон. Вспомни, ты всегда боялся спросить! Как это раньше могла глина сказать горшечнику – «что ты делаешь»!

Узник земли. *(кричит)* Что ты делаешь?

Эхо, лопанье пузырей, идиотическая музыка

Узник земли. Что ты делаешь?! *(начинает смеяться, смеётся всё больше и больше в трансе вселенской шутки)*

9. Напряжение нерв

Будка на краю леса. Конец трудового дня. За столом трое исполнителей, пока молчат. На столе стаканы с водкой, хлеб, колбаса. Первый стакан пьют молча. Сосуды расширяются.

- Нечеловеческое напряжение нерв.
- Не корысти ради, только волею...
- Растрещался. Наливай!

Второй стакан расслабляет.

- Что там у тебя? Часы?
- Часы.
- Хорошие часы. А у меня вот, сапоги.

Молчат теперь по-другому, расковавшись.

Третий стакан вдохновляет.

- Надо бы как-то оптимизировать.
- Правда, устаёшь.
- Хорошо бы двоих разом.
- Хорошо и пятерых. А как ты их?
- Затылками ставить если. Ну не пятерых, ясно.
- Тогда одному в лицо придётся...
- Ещё скажи – не приходилось.
- А через две башки подряд пройдёт?
- А чё ж не пройдёт.
- Долго их поставить?
- Ну кто-то один будет. Скоординируем – быстро пойдёт.
- Ну мы попросим сначала – может кто-то сам станет.
- Товарищи враги советской власти, не могли бы вы стать спинами друг к другу и прилепиться бошками плотней, чтоб нам ровненько - в одну вошло, из другой вышло?

Смеются.

Четвёртый стакан рационализирует.

- Смех смехом, а есть дельное предложение.
- Ну.
- Больше всего устаёшь закапывать.
- Правда.
- Так пускай они сами себя закапывают...

Смеются долго

- Давайте! За дельные предложения!
- Я, между прочим, не закончил мысль. Поставь стакан, тамада.
- Плохая примета.

- Ставь стакан.
- Ну чё ты, и в самом деле! Чё ты залупился на него?
- Все посмеялись?!
- Ты прости, ты договаривай. На чём остановился? Ну! Пускай они... сами себя...

Давятся от смеха, кроме одного.

- Да что ты такой серьёзный вообще тут нашёлся?
- Да у него просто батя был поповским старостой.
- Правда что ль?
- Ложь! Я сын безземельного крестьянина, батрака!
- А зачем тебя вызывали?
- Три года отец работал церковным сторожем – сторожем, понятно? Если начальник отдела кадров товарищ Неудобнов посчитал, что сторож и староста – это одно и то же, значит он совершенно не знал старую царскую Россию! Выпьем.

Нервно опрокидывает стакан, остальные молча смотрят – не пьют.

- Я понял, что ты имел в виду.
- Что вы на меня так смотрите?.. Да нет же, чёрт возьми, я хотел сказать...
- Кто покрепче - тех оставляем последними. Чтоб яму вырыли, притоптали.
- От точно! Они своих сами и закопают. Работы меньше в десять раз!
- Я же говорил! А вы сразу смеяться.
- А мы уже и не смеёмся.

10. Прогулка

Грохот градин. Возгласы горожан, кидającychся врассыпную. Моше пережидает непогоду под козырьком, туда же набиваются и другие промокише. Моше это буйство стихии приводит в восторг, он выставляет ладони из-под козырька и собирает пригоршню градин.

Моше. *(обращается к рядом стоящему, не в силах сдержать счастливой улыбки)* Посмотрите... Вы где-нибудь видели такое чудо?.. Гляньте... И ведь чудом отмечен наш каждый шаг – отчего же мы маемся? Пьём из отравленных вод в то время, когда небесные мешки до отказа набиты такими вот драгоценностями!

Какой-то писатель. *(вглядывается в лицо Моше)* Простите, а вы случайно не...

Моше. Конечно, я говорю за себя. Но и ещё десять во мне!

Какой-то писатель. Десять кого?

Моше. *(смеётся)* Десять вас!

Какой-то писатель. Меня?!

Моше. Вас, в котором десять меня!

Какой-то писатель. Вы зачем это...

Моше. Смотрите: что получится из горсти этих ледяных сокровищ?

Какой-то писатель. Что?

Моше. Вода! А что получится из воды?

Какой-то писатель. Ледяши?

Моше. Река. Туман. Кровь. Что угодно! Таинство десяти в одном и одного в десяти. *(Пауза)* Вы так напряжённо смотрите на меня – вы мне не верите?

Какой-то писатель. Извините, я, конечно, могу ошибаться... Я вас, наверное, узнал...

Моше. Вы не ошиблись! И я вас узнал! Всё на свете есть, только нас нет!

Какой-то писатель. Вы же знаменитый... Моше Кульбак?

Моше. Да, моя фамилия Кульбак.

Какой-то писатель. О, встретить вас - большая удача!

Моше. Бросьте! Удача была бы вам встретить на пути гору! Гору, которая не имеет никакого представления о себе – и как велика! Гору, которая красивее Бога, которого придумали, чтобы украсить гору! Правда, испоганили и себя и его...

Какой-то писатель. *(равнодушный к романтике собеседника, что-то суетливо ищет за пазухой)* Я должен срочно... мне нужно...

Моше. *(останавливает его)* Нет-нет, давайте стоять тут, где стоим, потому что всё вокруг нас прекраснее нас!

Какой-то писатель. *(от волнения непослушной рукой достаёт из-за пазухи исписанные листы)* Вот! Давно хотел... Показать вам мои стихи!

Неуклюжесть Какого-то писателя смешит Моше, в задорном настроении он снимает с ноги живописно замызганный непогодой башмак, стоя на одной ноге протягивает Какому-то писателю.

Моше. Нет, позвольте показать вам мои! *(смеётся, покручивает башмак)*

Придорожная глина – лучший поэт из всех, кого я знаю! Посмотрите – какая работа с формой! И скажу по секрету, если разбираться в глиняном языке...

Какой-то писатель. *(пропускает шутку, озадаченно роется в записях)* Какая удача, как хорошо, что я вас... Сейчас, сейчас, найду, есть у меня одно очень хорошее стихотворение...

Моше. *(сердито, разочарованно)* Бение и мение... *(отирает башмак, встряхивает из него камешки, кряхтя надевает башмак назад)* Слушайте, если мне захочется когда-нибудь почитать очень хорошее стихотворение – я, право, почитаю Кульбака.

Какой-то писатель. О, как я вас понимаю! Мне самому уже опостытели эти нудные графоманы, прозябающие ординарности, бесплодные маргиналии! А сборники испражняют, один за другим, один за другим – ну такая, понимаешь, бурная творческая деятельность! Это редкость, чрезвычайная редкость в наше время и удача – встретить достойного автора, нашего поля ягоду...

Моше. Похоже, что я действительно важный человек, раз вы придумали мной себя украсить.

Какой-то писатель. Конечно! Знаете, как про вас говорят? (*краснеет*) И женщины, и мужчины... что вы самый красивый еврейский поэт нашего времени...

Моше. Птицы, к счастью, гораздо красивее, чем я.

Какой-то писатель (*дрожа от волнения*) «Я – солнце, я – роса, я – дуб, надевший фрак!» - эти ваши слова, ваше стихотворение... В общем, у меня теперь тоже такое есть.

Моше. Такое стихотворение?

Какой-то писатель (*храбро*) Да!

Моше. Здорово. А такая фанаберия?

Какой-то писатель (*растерянно*) Что?..

Моше. Фанаберия такая есть у вас?

Моше вдруг преображается – надувает щёки, выпучивает глаза и растапырив локти, принимается пародировать петуха. Какой-то писатель ошеломлённо-обиженно наблюдает за тем, как Моше пытается «склевать» его выдающиеся творения.

И вдруг к Какому-то писателю приходит счастливое озарение.

Какой-то писатель. Как вы угадали? Ведь я подчас действительно чувствую себя птицей! Вы тоже? Невероятное совпадение!

Моше. (*останавливается, разочарованно выдыхает*) Дождь, кажется утих.

Какой-то писатель. Куда вы шпацировали, если не секрет?

Моше. Отчего же секрет. Самый красивый еврейский поэт нашего времени шёл откусывать печёночки.

Какой-то писатель. Ах вы тоже любитель печёнки! Как это радостно, быть с вами похожим – даже в каком-то глупом гастрономическом пристрастии!

Моше. (*начинает сердиться*) Печёночка – глупое? Да у нас, чтоб вы знали, клуб привилегий жизни! Тайный союз едоков печёнки с обязательным еженедельным, как вы выразились, пристрастием к ней.

Какой-то писатель. Так вы сейчас туда, Моше? Позвольте, позвольте мне пойти с вами, приобщиться! Мне так опостытели все эти узколобые кустари, обывательская мелкота...

Моше. К сожалению, я не могу взять вас с собой. Клуб едоков печёнки состоит из трёх человек и четвёртого не предполагает. Всего доброго!

Какой-то писатель. (*кричит вслед, потрясая бумагами*) Моше! Вы не сказали мне, как я пишу!

Моше. (*через плечо*) Хорошо пишете! Хороший почерк! (*спешит уйти, делает пару шагов вдруг останавливается, снимает шляпу, озабоченно разглядывает её, потом начинает добродушно смеяться*) И да! Вы-таки птица, точно...

Какой-то писатель. (*краснеет, польщённый*) Вы это почувствовали!

Моше. Сходство несомненное.

Какой-то писатель. Это ведь очень тонко, и не каждый...

Моше. Я бы не сказал. Вот тут недавно какая-то птичка... (*протягивает шляпу* *Какому-то писателю, показывая свежую кучку птичьего помёта*) Я бы не сказал, что это тонко... Но в вашей манере! (*добродушно*) Ха-ха! Хорошего дня! (*быстро удаляется*)

11. Козочка

Прогулявшись быстрым шагом до близкой окраины, Моше сворачивает на бывшее еврейское кладбище. Теперь это большой лужок, где мирно пасутся белые козочки. Моше идёт по пастбищу далеко и меланхолично, садится на землю. Козочки, заметив человека, с интересом или надеждой на лакомство, не спеша подтягиваются к нему с разных концов.

Моше. (*вздыхает*) Земельный отдел Минского горисполкома доводит до сведения граждан, имеющих коз, что для пастбы последних отводится старое еврейское кладбище по Университетской улице...

Любопытные козочки подходят близко. Глупо и с надеждой смотрят на человека, сидящего на траве.

Моше. (*гладит козочек*) Козочки, беленькие, за две монетки... Я очень устал. Тащи себе, тащи своё тело по земле – без передышки, без возмездия! – Тело, нагруженное ржавым железом небес... Как сяду – так и встать не хочу. И не буду. Буду сидеть здесь и вниз прорасти, тянуться всюду корнями... Тогда, может быть, сердце, выбьется на свет травяным пучком. Сердце, мне такое лишнее... А будет лакомство для козочки, беленькой, за две монетки!

Одна козочка тычется мордой в одежды сидящего, выискивая лакомство, остальные, потеряв интерес, неспешно разбредаются, в ритме своего козьего существования.

Моше. (*обнимает козочку*) Пожалей меня. Заешь, какая это мука - разглядывать пыль на подошвах – и видеть солнце в каждой грязной пылинке, созерцать скверное – и слепнуть от сияния тысячи солнц! Оправдывать, оправдывать, видеть только добрый и радостный мир! Испытывать наслаждение, без конца, посреди чего бы то ни было! Сгорать от наслаждения...

Козочке надоедает, она выворачивается из объятий и, нежно позвякивая, идёт через лужайку по своим делам.

Моше. (*встаёт, радостно направляется за ней*) А теперь буду идти за тобой, козочка, беленькая, за две монетки. В густых лесах, в пустых полях мы побредём, беглецы. Ничего не буду делать на свете, как ничего не делая цветут

деревья. Буду есть, как ворона и буду сытый, буду петь, как птица, и будет мне хорошо! Буду идти за тобой, пока не остановишься – и тогда я пойму, что мы пришли...

У изгороди появляется Какой-то писатель.

Какой-то писатель. Моше! (*ждёт реакции*) Товарищ Кульбак!

Моше. (*обречённо идёт в его сторону*) Зачем пошёл за мной?

Какой-то писатель. Вы так быстро убежали, а вы мне нужны...

Моше. Не правда, я для вас бесполезен. Вы будете сетовать, что не способны, как я, наслаждаться светом, которого нет, а я буду терпеть об этом печаль!

Какой-то писатель. Всё так внезапно... я только потом понял, что так толком и не прочёл вам ни одного стихотворения!

Моше. Да как вы не можете понять? Я научился отличать приятное от отвратительного, желательное от нежелательного, мой рот закрыт для ответов и вопросов, и только этот особый вкус принятия приговора...

Какой-то писатель. Какого приговора? О чём вы говорите?

Моше. Какого? А вот какого. (*показывает пальцем в небо, Какой-то писатель смотрит тоже вверх.*) Помните, как бывало в небесах? Щука плыла серебряная. А сейчас?

Какой-то писатель. Там же нет ничего.

Моше. Вот именно.

Пауза.

Моше. (*хлопает по плечу отяготившегося мыслями Какого-то писателя*) Да будет вам! Веселей! Знаете, как умирали во время странствия по пустыне?

Какой-то писатель. ??

Моше. Каждый год в один определённый день. Рыли себе могилы и ложились в них спать. Умер-так умер, а не умер – утром вставай иди дальше!

Какой-то писатель. Да! Вы же собирались, как я помню, сходить в кафе, откусать печёночки.

Моше. (*бодро*) Верно! Спасибо, что напомнили. Всего доброго! (*удаляется бегом*)

Какой-то писатель. (*вслед*) Товарищ!... (*оставшись один, вздыхает огорчённо*)

Ах, товарищ... Конечно, я не могу винить его в том, что не стал слушать мои стихи... (*любопытная козочка подходит к нему*) А козочка послушает!

Ах товарищ! Ах товарищ!

Не с тобой ли стоя рядом, зрели мы небес громады?

Слились, разлились затем - глыбы тверди надо всем.

Так учил меня святой чаще видеть над собой.

Ах товарищ! Ах товарищ!

Я с тех пор смотрю туда – там столбы и провода.
Сто небес как сто мотков телеграфных проводов.
С них свисает, будь клята – тушка дохлого кота!

Ах товарищ! Ах товарищ!
Долго корчилась фигурка, от дождя облезла шкурка.
На сухой унылой жилке глаз болтается из дырки.
Глядь – и вспоротый живот – чернотой понесёт!

Ах товарищ! Ах товарищ!
Что же не распорядились, падаль снять не утрудились?
Что свисает неживой кот с прогнившей головой? -
Шлют сигнал туда-сюда телеграфа провода.

Ах товарищ! Ах товарищ!
Я стою с ножом в руке, и ты тоже налегке.
Любишь ты, ревную я - пролетарская семья!
Я хочу с тобой судьбы - в пекле классовой борьбы.

Ах товарищ! Ах товарищ!
Мелет, мелет пулемёт – масса красная ревет.
Разрывается земля, люди давятся, как тля
Оставляются лежать – глыбы неба наблюдать.
А там кот, уж сколько лет. Ничего там больше нет!

Пойдём, моя козочка, плакать на руинах белого света...

12. Клуб едоков печёночки

Маленькое еврейское кафе. Моше с двумя друзьями, уютно устроившись в уголке, лакомятся печёночкой, запивая вином.

Моше. Ду-ду-ду, ду-ду-ду, ду-ду-ду...

Харик. Моше, уже двадцать минут, как мы здесь слушаем это из тебя..

Моше. Ду-ду-ду-ду-ду...

Харик. Может, ты считаешь, что мы должны были таким путём достичь веселья...

Зелик. Моше, душу какого рабби мы поём? Ду-ду-ду-ду...

Моше. Ду-ду-ду-ду, ду-ду-ду-ду...

Харик. Моше, мы все периодически переживаем присутствие Бога в мире, но...

Зелик. Нет, похоже, Моше пророчет упадок. Моше, ты даже не притронулся! А я-таки хлопотал, чтоб к этому разу нам приправили малиновым уксусом!

Моше. Ду-ду-ду-ду...

Харик. Да расскажешь ты, что стряслось, в конце концов, или мы так и будем слушать этот хасидский нигун?!

Моше. Ду-ду-ду-ду-ду... *(Пауза, усмехается)* Когда страна не хочет, чтобы об этом знали, какой смысл рассказывать?

Зелик. О, теперь понимаю, Моше. Теперь я тоже так: напишу - и зачеркну, напишу - и зачеркну...

Харик. Зелик, ты просто старше себя самого!

Зелик. Так и что я могу?! И что запретно...

Харик. Запретно отставать. Шагу прибавь себе – и всё.

Зелик. Я лучше спою с Моше. Нам нужно достичь понимания. Ду-ду-ду-ду...

Моше. Ты как будто не ощущаешь металл. Угрюмый металл и людей, роящихся в дыму. От чего шаг становится медлительно-тяжел... Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду...

Харик. Я против, мне нельзя таких наваждений! Я сильный и здоровый человек!

Зелик. Ду-ду-ду-ду... И всё-таки, нет.

Харик. Думаешь, нет?!

Зелик. Нет - не мы здесь идём!

Харик. Зелик, ты куда-то собрался?

Зелик. Это другое... Вот дождь - он идёт.

Моше. Ду-ду-ду-ду-ду...

Харик. Ох, вижу, тянется за вашим “ду-ду-ду” фурка, везущая знакомый длинный труп... Товарищи, бросайте вы это! Только молитвы о Сионе нам сейчас не хватало!

Зелик. *(напевает)* В синагоге виленской, раз, пропев псалом, дедушка мой старый тронулся умом... *(выдыхает, торжественно)* Всё! Мне открылось всё! Что раньше было - в том сомнений нет - и в том, что будет, можно не сомневаться. *(с аппетитом принимает за еду)* Изи, ты медовый лук не любишь? Я очень люблю, отдавай мне.

Моше. Ду-ду-ду-ду-ду-ду...

Харик. *(отсыпает лучок)* А с этим что делать будем?

Зелик. Подождём, ещё доходит. *(спохватившись)* Моше, я вчера встречал Михоэлса! Он сказал, ваш спектакль закрыли?!

Моше. *(замолкает, пауза)* Знаю.

Долгая тревожная пауза. Моше медленно приступает к еде.

Зелик. Вот оно что...

Харик. *(поблуднев)* Как? Почему? Это же была замечательная пьеса, еврейский Робин-гуд, борьба против угнетателей...

Моше. *(с набитым ртом)* Ты правильно сказал – еврейский!

Харик. Так ведь для еврейского театра!

Моше. Боюсь, что мы идём к тому, что театр должен быть советским.

Харик. Причём здесь..? Что мешает еврейскому театру быть советским?

Моше. Как что. Советский Робин Гуд однозначно борется против царизма, а еврейский Робин Гуд, может быть, призывает к какой-то другой борьбе? За какие-то другие, может быть, даже еврейские права?.. Театр же искусство ассоциативное!

Харик. Но это же история!

Моше. История... Мы остались с ведром, которым нельзя черпать, у воды, которую нельзя перейти. Скверная, скажу тебе, история!

Зелик. Я поэтому и говорю - не мы здесь идём. А если и идём - то только чтоб оставаться на своём месте.

Харик. Не волнуйся, Моше, здесь какое-то недоразумение. Действительно хороший и правильный спектакль, энергичный такой, песен много...

Моше. Ну, видимо, запуганные еврейчики из черты оседлости не могут быть энергичными. Не могут быть несогласными со своим угнетённым положением. Советскому театру нужны смирные еврейчики, вызывающие сострадание. Так советским Робин Гудам ровнее выполнять свои мессианские задачи.

Харик. Ты это брось, Моше, я этого не слышал.

Моше. А ты прыгни чуть повыше, чем воспевание строительства Беломорканала – услышишь ещё не такое. А то гляди, и не прыгая. Я же не прыгал.

Харик. Что-то ты преувеличиваешь.

Моше. Кто здесь преувеличил – так это Лазарь Моисеевич Каганович. Видел бы ты, как он надувал щёки, сидя в ложе. Когда главному еврею страны советов спектакль про еврейского Робин Гуда кажется антисоветским – что ты можешь тут поделать?..

Зелик. Друзья, а давайте немножко смеяться! Ха-ха-ха... Нет, не будем?

Харик. А как же пророчества о доме для всех народов? Объединитесь как один человек с единым сердцем!

Моше, Зелик (хором) ...Или здесь будет место вашего погребения!

Харик. Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду...

Моше, Зелик. Ду-ду-ду-ду-ду...

В кафе входит тот самый Какой-то писатель. Стреляет глазами по сторонам, явно желая обнаружить Моше. Трое едоков печёночки, не сговариваясь, дружно обращают внимание на нового посетителя, в молчаливом напряжении наблюдают за ним, пока тот их не видит.

Моше. Как вы думаете, лошадь о чём-нибудь думает?

Зелик. О своём, лошадь думает о своём.

Моше. Лошадь ещё может думать о том, чем была занята до того, как стала думать.

Харик. Это называется «нездоровый интерес к прошлому»

Зелик. Идя с водопоя думать про водопой?

Моше. Порочный уход от бурной действительности.

Какой-то писатель находит глазами их столик и с неподдельной радостью на лице направляется туда.

Какой-то писатель. Какая встреча, какая удача! Редакция журнала «Штерн» в полном составе!

Моше. Приветствую. Друзья, это мой новый знакомый, поэт ээ... Птица! Да-да, вы не ослышались. Сегодня мы пережидали вместе непогоду и поэт Птица, прошу прощения, не припомню вашего...

Зелик. Присаживайтесь, товарищ, правда, мы уже скоро уходим. Мы тут обсуждали знаковое произведение эпохи, в создании которого посчастливилось принять участие нашему коллеге-редактору...

Харик (*встаёт, жмёт руку Какому-то писателю*) Изи Харик.

Какой-то писатель. Я вас знаю! Большая честь!

Моше. Да, мы обсуждали «Письмо белорусского народа великому Сталину в стихах»

Какой-то писатель. Вышитое шёлком!

Моше. Именно. 70 работниц и колхозниц с большой любовью вышивали это письмо!

Зелик. Родимая партия волей едина! А знамя у ней — это Ленин и ты! И наша болотно-лесная краина сегодня чудесной полна красоты!

Харик. Ты, мудрый учитель, средь гениев гений! Ты солнце рабочих! Ты солнце крестьян! Твоя Конституция — стяг поколений, надежда и свет угнетенных всех стран!

Какой-то писатель. (*аплодирует, восхищённо*) Это потрясает! А великий вождь ответил?

Моше. Думаю, ответом можно считать вот этот перевод письма на русский язык.

Какой-то писатель. Поздравляю!

Моше. Поздравляю всех нас. А сейчас нам придётся вас оставить, потому как мы спешим в редакцию.

Какой-то писатель. В редакцию? О, я как раз собирался занести вам свои стихи!

Моше. Давайте сюда, мы их сами занесём.

Все встают, собираясь на выход. Какой-то писатель остаётся сидеть на пути, неуклюже шелестя бумагами

Какой-то писатель. Но тут не всё...

Моше. Конечно нет! Впереди у вас большой творческий путь! Всего доброго!

Друзья протискиваются мимо стула с Каким-то писателем и уходят.

Какой-то писатель остаётся сидеть несколько секунд абсолютно счастливым, потом изучает содержимое кувшина и состав обедков. После чего делает заказ подошедшему хозяину.

Какой-то писатель. Печёнки с луком и такой подливой... Здесь только что сидели мои коллеги, вот мне, пожалуйста, того же, что заказывали они.

13. Яма

- Что он там ползает возле ямы, посмотри!
- Может ты ему сильно по башке ляснул?
- Так стоял же.
- Ну, теперь ползает. Лопату кинул.
- Э, товарищ! Ты как? Лопату возьми-ка!

Исполнители наклоняются над расстрельной ямой. Рядом ползает мужчина, босой, в заляпанной кровью рубашке, воеет нечленораздельное:

- Иеаиеууиизз... Аргррргрррыыыыввмм...
- А, да ты её уронил. Не глупи, товарищ, у тебя ответственное поручение!
- Ааампррродииииссссс....
- Встать! (*хватает арестанта за воротник, встряхивает*)

Измощённое лицо, опечатанное видением катастрофы, с потусторонним страшным взглядом, лицо Какого-то писателя обращается к исполнителям.

- Что ты делаешь... Что ты делаешь...
- Это ты что делаешь! Бери лопату, закидывай, сказано тебе!
- Да прибей ты его, не видишь, готов уже...
- Тогда самим опять придётся! А так же хорошо придумали...
- Да, надо дело до конца довести. Ну ты его зря, конечно, так сильно...
- Так он упирался! На вид - согласный мужик, казался, смиренный. А копать - нет и всё!
- Чего уже упираться, и так ясно, что конец. Так хоть дело полезное сделать напоследок - своих же похоронить. Я б на его месте... (*осекается*)
Тьфу!

Один из исполнителей запрыгивает в яму, поднимает лопату и, поскользываясь на трупах, взбирается назад.

- Да ему сейчас лучше должно быть, что свихнулся. Поработает спокойно! (*вставляет лопату в руки Какого-то писателя*) Ну, давай-ка родимый, подсоби советской власти. Мочи нет уже. Трудный день.
- Давай, давай, мы тебе даже рюмку дадим напоследок, как особо заслужившему!
- Дай ты ему сейчас.

- Так свалится вообще, и так шатается, как гнилой плетень.
- Работаем, работаем! (*заботливо обхватив приговорённого и поддерживая лопату его рукой, напоминает ему копательные движения*) Вот так, вот так... Теперь сам, сам давай, активней!

Исполнители отходят на пару шагов, оставляя сумасшедшего ритмично закапывать трупы. Какой-то писатель с отрешённым лицом и остекляневшим в лихорадке взглядом, ритмично закидывает яму с убитым, без конца бормоча:

- Что же не гаснет земля ни днём ни ночью – дым и вонь с неё поднимается... Неужто горящие черви, что расстилаются подо мной – это и есть покровы небес...

- Фух, кажись, пошло.
- Да, как-то мы с ним прогадали...
- Я ж говорю - нормальный с виду мужик был, крепкий, смирный, подходящий...
- А он кто вообще, не знаешь?
- Как кто? Враг партии и советской власти! Ты такие вопросы брось!
- Да нет, раньше, в жизни.
- Начто мне знать! Я простой боец, рядовой. Партия сказала искоренять - я искореняю. А тебе что?
- Просто, интересно. Списки у тебя.
- Так и что списки - мне их читать что ли на сон грядущий?
- Да, я тоже читать не любитель. Долго грамоты не знал. А на что в деревне грамота? Хорошо, был приятель в НКВД - переманил в город. Я ещё, дурак, долго отказывался, а он всё - давай к нам, давай к нам! Ну сейчас хоть газеты полистаю. Хочешь - не хочешь, а в городе прогресс, просвещение масс! Но к с сильно грамотными я всё равно, знаете, с подозрением... Оно как-то в меру всё надо, в меру!
- Да, меру надо знать, это точно.

Закуривают. Всё время пока исполнители беседуют в стороне, слышно размеренное бормотание копающего:

- Мясо раскидано по горам и долины взгноены трупами, трупами взгноены долины и мясо раскидано по горам... Созваны на праздник ужасы мои и рывины наполнены мною, наполнены мною рывины и ужасы мои созваны на праздник... Режут по правую сторону - остаются голодными, голодные - по левую сторону остаются резать... Как море шумит - рёв многих, и многих шум - как режут сильные воды... Сторожат птицеловы ловушки и пасть разинута без меры, без меры разинуты ловушки и птицеловы пасть сторожат...

- Отчего-то в этом лесу птицы не поют, заметили?

- Ну ты вспомнил! Осень уже, по вечерам не поют.
- Нет, я давно заметил, ещё летом - тоже не пели никогда. Я вообще люблю птиц послушать. Молодые дрозды мне нравятся в конце августа - так ворчат смешно, так шебуршат... Потом уже, когда оперение меняют, взрослеют - по-другому начинают петь, чисто, по-дудочному, прям с мелодиями, с паузами - ну, соловьи почти. Но мне вот это ворчание нравится: “чок-чок-чок”
- Да, я тоже люблю. Но я больше утром люблю послушать. Жаворонка обычного, они быстрые такие, порывистые - “тю-тю-тю-тю”, вообще без остановок. Такая маленькая птичка - как ей дыхания хватает? И зяблики хороши, мажорные, громкие! В начале так ускоряются, а потом затихают: “фью-фью, чиу-чиу”... Вот мне эта их утренняя простота так на душу ложится!
- А кто вот так цыркает, знаете - “цырр цырр цырр”? Тоже из утренних кто-то.
- На овсянку похоже. Но они есть такие жалобные... Да может, пищуха просто.
- Скворец!
- Не-ет, скворца я знаю.
- Да как ты его знаешь - он тебе как любая птица споёт, даже как соловей!
- Ну у него в песне всегда такое попадает... скрипучее что ли. Как сапоги новые поскрипывают. Можно узнать!
- А мне так повезло недавно - брали одного еврея, приехали арестовывать, а у него дома - целый птичий двор! Куча клеток, в каждой птичка какая-то. Ну я так понял - на что они ему уже? - и взял себе клетку с певчим дроздом. Ох как люблю этих дроздов! Теперь по утрам такие трели заводит, что сердце заходится! Вот такой мне подарок вышел...

Какой-то писатель перестаёт копать, бросает лопату, начинает смеяться, заходится смехом безумца - перегибается пополам, сотрясается, машет руками...

- Смотри-ка, товарищ наш, кажись, закончил.
- Славно. Ну и мы закончим.

Один из исполнителей спокойно достаёт наган, стреляет. Какой-то писатель падает рядом с лопатой. К нему вприпрыжку бежит, неизвестно откуда взявшийся, огромный ворон.

- Вон птичка тебе, ты спрашивал, отчего птиц нет.
- Не, этих я не люблю, страшно мне от них почему-то... Кыш! Кыш! Пошёл!
(прогоняет птицу, Ворон улетает)

Конец.

Прусак О. весна 2020